

Гиль Екатерина Трифионовна
Заслуженная артистка России

**Возрождение алеутского танца. —
Аляска, США, 1993—1996 гг.**

В 1993 г. в Палане состоялся бенефис мой и Николая Ивановича Лазарева. Мы завершали свой путь в «Мэнго», верно прослужив ансамблю по 25 лет.

Год я преподавала в школе искусств по классу национального танца. Перед окончанием учебного года получила приглашение поработать на Аляске.

13 февраля 1994 г. я приземлилась в аэропорту г. Анкориджа, меня встречали с фотографией и словарями. Это были директор Аткинской школы Джон Консилюс с другом Брюсом. Сразу возник шуточный

тон разговора. быстро находились фразы, а то и просто одно слово и смысл недосказанного становился ясным, много смеялись над ситуацией, по непониманию не было и впоследствии также. Устроившись в гостинице, сразу отправились на прогулку, мои новые друзья показывали Анкоридж, достопримечательности его, сразу бросилось в глаза сходство ландшафта нашей Камчатки и Аляски, такое же замерзшее море, олени невдалеке. Упряжки собачьи и олени — к вашим услугам, можно сфотографироваться или проехаться. Жизнь зарубежного города была мне знакома по многочисленным гастрольным турне. Но здесь поразило небо, такое синее и горы белые — белые, я даже на секунду подумала, что нахожусь дома, на Камчатке.

Уставшая, я уснула, не забыв занести первые впечатления в свой дневник. Наутро прилетел Джоу (начальник департамента образования), и начались хлопоты по приобретению необходимых вещей и утвари в мой дом на Атке. Список внушительный, после каждой покупки, ставились галочки, а я подумала, по обыкновению, что сейчас мы увешаемся сумками, но все произошло цивилизованно. За небольшую плату, по почте, вещи улетели по-моему новому адресу, в том числе и продукты питания, картины и аппаратура. Из магазина мы вышли налегке.

Следующим пунктом моего пребывания стала Уналашка, ночь провела в отеле «Гранд Алеушн» — уже звучит алеутское название и — наутро, в тумане, полетели на мой остров Атка через всю цепь горных хребтов, я все время смотрела в иллюминатор. Пилоты весело болтают с салоном, время летит незаметно, и вот она — моя маленькая точка, остров в несколько домиков. Как только мы приземлились, я сразу поняла, что нас ждали. На меня смотрели черноглазенькие, улыбающиеся лица. Я поздоровалась с каждым из встречающих за руку, женщин всех сразу обняла. Мы быстро погрузились в школьную машину и помчались в село. Через неделю мне скажут, что я должна сама ездить на работу на так называемой байке, это единственный транспорт, проходящий везде, и к тому же простой в обиходе. Никаких моих «нет» не принималось, и пройдя несколько уроков вождения, я получила в свое распоряжение «Хонду».

Мой дом стоял в трех км от школы в старом поселке. Когда директор меня не видел, я просила кого-нибудь из алеутов развернуть мне мой байк, но все равно однажды попалась: что поделаешь, ну не дано мне самой водить машину. И нередко я уходила пешком вдоль кромки берега. Надо сказать, что ландшафт здесь беднее нашего, но суровая красота местности не могла не пленить меня своей строгостью.

Контакт со школьниками налачился быстро, начались уроки танца, дети с удовольствием учили меня первым, необходимым словам и фразам. Очень мне помог толстенный Оксфордский словарь, до последнего дня это будет мой лучший друг в общении с местными, даже тогда, когда мне дали компьютер-переводчик. С ним появилась прекрасная возможность читать необходимую литературу. Это и этнографические материалы, и специальная литература о мелодиях и танцах. Материалов было великое множество. К тому же школа пошла

мне навстречу, и из Фербенкса я получила все, интересующее меня на русском языке. Крашенинников, Вениаминов, Ляпунова. Блэк — все это в ящиках доставлялось ко мне домой. Право, часов в сутках не хватало, чтобы вникнуть во все, что хотелось выудить для себя. Ведь это так интересно!

Еще и еще раз просматривала кассету с единственной записью, где как-то обозначен шаг алеутского танца, наклон корпуса и руки в боки. Все. Это такие крохи, но надеялась на описания и репродукции картин прошедшего времени. Так я надолго окунулась в 17—18 столетия. И если бы не великое желание алеутов — восстановить, возродить свой танец, и мое — познать его и помочь им — то, возможно, ничего бы и не получилось. Я поняла, почувствовала какую-то мистическую силу и связь времен не по научным, теософским трудам, а воочию. Мечты и чаяния стали как-то формироваться, почти физически, осязаемо. Мне помогала уверенность в собственных силах, вселенная в нас, мэнговцев, еще нашим руководителем А. В. Гилем. И я отправилась в путь-дорогу, именуемую творчеством.

Как-то я заметила, что за мной наблюдают, что стала объектом № 1: кто бы ни зашел в школу, обязательно их вели в мою мастерскую. Здесь я работала с костюмами, искала по крупицам дизайн алеутского платья, костюма, кроила бесконечное количество деталей. И когда все получилось, не описать радость детей и родителей, увидевших огромное число парок — алеутских котиковых шубок. Не могу также не описать чудесное превращение, происшедшее с девочкой Мэри: вот она одевается, при этом глаза ее как-то меняются, видно, что она ощущает себя комфортно, счастливо. Она нашла в себе некую затаенную струнку, которая сработала как ключик, открывший нам тайну. Глаза ее — огромные, черные — стали бархатные, как ночь, вот девочка повела плечом, как бы пробуя одежду, а потом вдруг Мэри... заплакала и кинулась мне на шею — это было потрясающе.

... Состоялось: современный человек понял и принял свою связь с нацией. По компьютеру я стала им набирать текст, где говорится о том, что предки их были красивы, бойки, смелы, что были огромные праздники в былые времена, что прародители их были достойными людьми. Как стайка тундровых птиц, разлетелись дети домой, рассказать своим родителям, дедам и бабушкам, что с ними случилось. После трех часов началось настоящее паломничество: все село, от стара до мала, — все пришли смотреть на чудо.

Я позвала девочек, мальчики еще стеснялись, и в вечернее время практически невозможно было их поставить в танец или разминку. Днем же, по школьной программе — это все было обязательным.

Девочки нарядились в новую одежду, я причесала их, свернули «гульки» из волос, и под ритм бубнов начался показ костюмов. Я видела, как родители тихо плакали и благодарно кивали мне. Теперь оставалось только смастерить головной убор, он красивый и роскошный, и мы сделаем его чуть позже. А пока начали делать простые уборы, вроде наших головнушек, девочки сами подбирали цветовую гамму для себя, и все вместе мы учились шитью бисером,

крепленно нитки, аккуратности. девочки завели себе несесеры, где они хранили начатые изделия.

В это же время проходили уроки Джейкоба Снегурова. Он учил мужчин кроить из тонкого дерева шляпы. Они варили дерево, сгибали по форме, клеили стыки. потом на один-два месяца оставляли шляпы в покое. Когда был урок труда, можно было наблюдать, как старшекласники вытачивают костяные фигурки, украшения для шляпы, коекто уже расписывал свою шляпу, остальные в ожидании вдохновения рассматривали, как украшаются головные уборы у других.

Здесь я поняла, что ничего не исчезает бесследно, не стирается из памяти. Может быть только на больший или меньший промежуток времени, иногда и на целое поколение. Это сокровенное знание остается где-то в наших запасниках, а при востребовании может придти и заявить о себе, что с нами и произошло. Потом будет много таких сокровенных моментов. Какое-то время у меня даже шла череда вещей снов, я видела праотцов и моих, и алеутского народа, в видениях или фразах мне открывается много загадок. Дважды я сильно заболела, но никакое тестирование не показало, что я больна. Однако лежала я, не вставая, по три дня без движения. Все это кончилось, когда я поняла, что сильно далеко заходила в своих исканиях. По преданиям наших народов, мы должны соблюдать тайну, и любой уход в глубокую старину чреват страшными последствиями: слабоумием или того хуже, летальным исходом.

И вот настало время, когда усталая и счастливая, я уезжала на свои первые каникулы. Сделано за четыре месяца немало. Алеуты, как свою, приняли меня и даже побаивались, что я не приеду назад. Я написала на компьютере письмо для родителей и детей, что мы сделали, что будем делать в следующем году. По пути домой я провела неделю в Денали-парке, красивейшем курортном месте. Сюда съехались туристы со всего света посмотреть на девственную природу Аляски. Кстати, на тундру, где попало, не наступишь: вся она расчерчена тропинками, по которым только и можно пройти. Ягода лежит ковром, но никому и в голову не придет сорвать ее, как и охотиться на животных, так как за все это штрафы огромныс. Единственная охота — с фоторужьем.

...В поисках утраченного вспоминаю, как докапывался до истины Александр Васильевич Гиль. Как он вникал в быт коренных народов Камчатки. Узнавая, чем живет северный человек, каково его настроение, что мучает, какая проблема самая насущная: в старину-то было все ладом, все понятно. Ты живешь, то есть работаешь, самоутверждаешься трудом, учишься выживать в экстремальных условиях. Эти размышления дали мне мощный толчок в работе, ощутимые плоды которой появились уже на первых месяцах работы по мстоду Гиля, когда я еще раз убедилась, что жизнь и искусство народностей Севера должны быть в крепком единстве с Природой. Соседство мира человека и мира природы должно быть гармоничным. Наши миры должны сосуществовать, дополняя друг друга. Именно это все и давало возможность человеку жить в ладу и мире и с собой и с Природой многие лета. Думала я и о том, как много сходного есть в наших народах:

- ритуальные праздники;
- поклонение божествам, просьба принести удачу на охоте, извинение перед убитым зверем, — просьба простить, что для еды был добыт зверь и, чтобы он снова пришел тогда, когда об этом его будут просить;
- всевозможные амулеты, обереги;
- трансформация, т. е. разговор двух людей посредством особого душевного состояния, без слов, глядя в глаза друг другу. Способностью к трансформации обладали люди непростые, на современном языке их назвали бы экстрасенсами.

Изучая алеутскую культуру, я узнавала о ритуалах, обрядах, о воспитании детей. К примеру, мальчиков смалу забирали от матери и с этого времени начиналось обучение боевым искусствам, так как считалось позорным быть слабым. Болезненные погибали сразу при первых жизненных неурядицах, слишком сурова была действительность, перед которой мог выстоять только сильнейший, поэтому молодые люди были красивы, ловки, обладали силой в борьбе с врагом и со стихией. Наряду с мальчиками и девочек учили своим наукам: быть будущими хозяйками, матерями.

Ритуальные праздники обычно проходили под луной. Причем они подразделялись на мужские и женские, и участники должны быть без одежды, то есть, нуди. Конечно, были и общие праздники, но опять-таки мужчины и женщины должны находиться по разные стороны костра, который располагался посредине.

Праздник начинался с хождения по углям, сопровождался барабанной дробью или мелодией... Выбирался самый просторный дом «барабара», стелился травяной настил и под него прятался нож острием кверху: в нужный момент на него положат жертву. Женщины, стеля соломку, знали, кто должен быть повергнутым, но кроме посвященных, более никто не знал. Так было в древности.

Для шаманского ритуала использовались мумии животных или высушенные куски человечены. Но особенным блеском было умервление жертвы на празднике. Убийство происходило на почве ревности и начиналось с пения куплетов, высмеивающих друг друга. Так, накаляясь, соперники в конце концов бросались друг на друга. С течением времени, правда, этот ритуал приобрел характер более дружественный и по совету старейшин перешел в разряд соревнований — на лучшего певца, танцора, меткого охотника. Мудрые люди поняли уже тогда кощунственность исхода. Старались трагический конец заменить состязанием в игре на бубне, в танце, песне, сватовстве, у них также, как и у нас, на праздниках складывались семейные узы. Хозяин праздника всегда старался предотвратить плохой конец, надеясь увидеть всех присутствующих на празднике и в будущем году.

У наших народов оказались сходные культуры, мудрый уклад жизни и одинаково плачевный конец сегодня. Как-то, уже перед отъездом с Аляски на Родину, я заметила какую-то особенную тишину в душах моих многочисленных друзей-алеутов, а, спросив, узнала. Оказывается, они тихо отмечали свой 50-летний возврат на родину, на острова. В свое время многие годы они провели в резервациях вместе с индей-

цами. Об этом мы говорили, общаясь через компьютер, и надо было видеть их лица. Они сказали, сколько потеряли своих родных и как бережно хранили жизнь каждого алеута, рожденного в неволе. Я искренно им соболезновала, потом и они расспросили меня о подобном в нашей стране. Рассказала я им о закрытых так называемых перспективных селениях, особенно их поразило то, что детей забирали от родителей. Алеуты отмечали, что хотя бы в этом им повезло. Ведь они были вместе всей семьей. Им показалось дикостью разрыв матери и дитя. После этого разговора я стала для них еще ближе, они назвали меня сестрой. Я перевела разговор на сегодняшний день, сказала, что нужно приложить все усилия для восстановления полноценной жизни через старинные песни, танцы.

... Танец. Он к тому времени еще не до конца родился, но может именно с этой минуты, мы сконцентрируемся и сделаем то Великое Возрождение духовного мира для наших детей, о котором мы все мечтали, чтобы они пришли в новое тысячелетие обновленными, прощенными и простили нас за все ошибки, оставив все негативное в уходящем в лету времени.

За три года, что я работала на Аляске, мы сумели все-таки разработать костюм, мои танцоры начали курс по изучению алеутского языка, а в проекте школьной программы 1996 года появился еще один урок — искусство алеутов.